

Ташковенко П. Ч. (конкурс) 25.06.94.

Хоть и не Клиберны, но не плохи

Жюри расценило и в половине состава участников, пропущенных на второй тур, добавило еще одного. Надо полагать, от избытка достойных...

Избыток! А ведь сначала сколько было сетований на дефицит, бедность, скудость. И объяснение находилось: мол, временно такое — «клиберны» и «клиберноподобные» переверлись. А если и есть, то не про нашу честь. К нам, в наш «ералаш» не поедут...

Ерунда все это! Приехало вполне достаточное число музыкантов. На первом туре самые слабые — «случайные», неподготовленные отсеялись (а они всегда бывают и всегда были), отсеялись и средние, недобравшие проходного балла («Клибернов», может быть, и нет, но и на сей раз нашлись индивидуальности, личности, музыканты, которым есть что сказать слушателю, а не только продемонстрировать свою пусть даже сверх-виртуозную технику, немислиемые темпы, молотобойную силу удара, что приводит обычно публику в неистовство. Подчеркиваю, музыканты. Уместно напомнить известные слова Дмитрия Шостаковича: «Техника игры на инструменте — это не механика, это интеллект». И еще одна его мысль по этому поводу:

«Блестящая, виртуозная техника, сразу же заставляющая о себе говорить... еще не мастерство... Мастерство в исполнительстве начинается там, где исчезает технический блеск, где мы слушаем только музыку и забываем о том, как, с помощью каких технических средств достиг музыкант того или иного выразительного эффекта». А музыканты нашлись. Пусть не в избытке, но обнаружались.

Второй тур конкурса предоставляет участникам возможность раскрыть свою индивидуальность и свои исполнительские наклонности. На сей раз — предоставлена полная свобода выбора репертуара. Я лично отношусь к достоинству нынешнего конкурса отсутствие в программе «обязательной» пьесы. Может быть, именно многократная повторяемость произведения непременно приводила участников не к «художественному прочтению» музыки, а к «долбежке». На этот раз обратило внимание большое расхождение в программах у разных участников, хотя совершенно очевидно: и на первом туре, и на втором обнаруживается явление (причем, как ни удивительно, как раз у не столь уж зрелых музыкантов) к сложнейшим сонатам Бетховена, Листа, к такому опусу, как листовский буйный «Мазеп» (за него брались даже пианисты, хотя уж это совсем не женских рук дело, да, пожалуй, и не женского характера).

Вообще правильный выбор репертуара — в значительной мере залог успеха. Конечно, условия соревнования жесткие, надо уметь интерпретировать любую музыку, от Баха до современных авторов — Шостаковича, Веберна и других. И все же чему отдано предпочтение, каковы характеры сочинений, степень их сложности, какова стиливая направленность — все это многое говорит о кругозоре претендентов, их интеллекте.

Пожалуй, еще ни разу, ни на одном из девяти прошедших состязаний не было возможности столь тщательно и подробно, как под «рентгеновскими лучами», изучить творческую суть каждого. Два вы-

хода на первом туре, часовая «концертная» программа на втором! Прекрасно, что никто нынче не прерывал выступавшего на «полуслове» даже при явно неудачном показе. Правда, иногда конкурсант стремлению снискать успех у аудитории уж такие запустит темпы, что голова начинает кружиться, до таких децибел доводит громкости, что едва ли не глухнешь. Можно оправдать, если это — от искренности и полноты чувства музыканта, как, к примеру, у пианиста из Китая У Зона. Он с первого тура обратил на себя внимание буйно-темпераментной, ярко-образной игрой, исполнением «Мазепу» Листа. И на втором «экзамене» в листовском «По прочтении Данте», в сочинении «Тема с вариациями» Чайковского У Зон нашел сочные тембровые характеристики в «Петрушке» Стравинского. Зрители «ахнули», а строгих музыкантов, возможно, покоробили его вольности, излишества. «Грешна», искренность и увлеченность мне больше импонируют, чем чистенькая, правильная игра, в которой демонстрируются все «причиндалы» виртуоза — сверкающие пассажи, беглые безупречные октавы, хитро сплетения трелей... Самобытному У Зону, убеждена, найдется достойное место в команде финалистов.

Уверенно «вышли» на второй тур разные по своей индивидуальности и творческой направленности представители нашей исполнительской школы. Среди них — сформировавшийся музыкант Александр Штаркман со своей несколькими придуманной, вычурной манерой игры, часто приводящей в восторг слушателей (на любителя оригинальных интерпретаций рассчитаны и его «Петрушка» Стравинского, и Вариации Брамса на тему Паганини).

Вадим Руденко — исполнитель с лауреатскими званиями международных конкурсов, закаленный в боях музыки. Ему и море по колено — он держится уверенно, технически раскован, кажется, чувствует себя едва ли не лидером. И еще один пианист из нашей команды, который выдвигается в совсем малочисленном отряде финалистов, — мягкий, лиричный Николай Луганский, начинавший нынешнюю конкурсную эпопею великолепным исполнением фуги Баха, а завершивший второй тур «как куратенькой» игрой, не более.

Нет, смысл конкурсов — открытия явлений, талантов, имен, личностей. Я вижу в финале француза Тьерри Юе: пусть у него не те, что приняты, темпы в Каприччио Брамса, пусть он по-своему «увидел» «Думку» Чайковского, зато Прелюдии Дебюсси «сочинил» для него, только для него, Тьерри, ибо никто до него еще не играл их с такой «достоверностью».

Их действительно приехало очень много. К тому же, как каждый день восклицает руководитель пресс-центра, забегавший в Малый зал переключиться на задних рядах словеском с обозревателями: «Один другого лучше! Один другого лучше!».

Самый дружелюбный участник — наш несчастный председатель жюри Наталья Николаевна Шаховская, которая после жеребьевки накануне первого тура сломала ногу и не судит конкурс. Когда она выступала с приветствием перед участниками, призывая дружескую музыкальную братию надевать белые рубашки и показывать весь свой талант, она нашла такие хорошие слова и про волнение, и про успех, и про музыку, что даже все те, рядом с которыми не стоял большой белый или черный футляр, немедленно захотели подать заявку на участие в конкурсе виолончелистов — ну хоть страничку переворачивать.

Кстати, хорошо, что студент для этого дела взяла заранее, а то рядом с такими унылыми, дрожащими концертмейстерами пришлось бы пожалеть о святом порыве. Концертмейстер милой китайской девочки Ин Ин Чан чуть не «умерла» в Чайковском, а Денис Кротов в том же Пеццо-каприччиозо в форте остался один на один со своим инструментом, как будто в нотах на роле оно и не стояло. Было и наоборот: партнер/Олега Ведерникова по сонате Шнитке во втором туре славно солировал, поглядывая на баллон, будто жюри возглавлял сам Альфред Гарриевич.

Извините, ведь надо уточнить вопрос с председателем жюри. Из-за нелепого печального случая самым ответственным человеком на конкурсе виолончелистов стал Лоуренс Лессер, артист и президент

М. ИГНАТЬЕВА.

Нас много, и мы во фраках

Нью-Инглендской консерватории, по праву заместителя занявший место Н. Шаховской. А самыми недооцененными оказались представители прессы, которые, конечно, ждали, что председателем станет Наталья Гутман.

Но ближе к народу. Первой на сцене была болгарка Величка Йотчева-Ларе, которая вытащила свою «страшную» белую карточку под улюлюканье и свист самых здоровых и жизнерадостных участников Х, юбилейного. Тринадцатый номер — поляк Мерцин Сеняковский — выглядел классически: большие испуганные глаза, дрожь в быстрых пассажах, жадное любопытство в отношении соседей — номеров 12, 14 и 15-го. Естественно, ему не повезло. И «соседке» не повезло, темпераментной Асе Вальчиц (номер 14) из Хорватии, которая Хиндемита «на скаку» остановит, но мастерства еще не набрала. Зато все запомнят, как решительно, засучив рукава у красной блузы, она приступила к Чайковскому: все фразы начались с вершины-источника, как в фольклоре. Целая горная цепь.

Есть один виолончелист, у которого похожие горные вершины — в Пеццо-каприччиозо «спали во тьме ночной», — Ацуси Сакаи. Он самый созерцательный музыкант из всех: даже в Бахе медленно гасли концы фраз, как тают солнечные лучи. А умудрится из каприсы Пиатти, технической пьесы, сделать тихую заводь с лотосами! Он сумел.

Однако тихая заводь, тихий омут — вещь опасная для непонцов. Одна-единственная скучная соната (Юдан, оп. 8) оборвала конкурсную дорожку талантливому Тамашу Мерею (Венгрия). Она перещеркнула

и необыкновенную «красоту звука, и изумительные двойные ноты, после которых нельзя уснуть». Самая бойкая из всех участников — Элин Мун из США. Она оказалась не лунным человеком, а настоящим сатурнианцем: начало Пеццо Чайковского, где у всех виолончель рыдает, разбивая нежные сердца слушателей, Элин уверенно... промаршировала. А еще она играла фантазию Шуллера с такой любовью к современной музыке, к этой пядернице всех программ, что возместила ее отсутствие почти у всех остальных на первом туре. Какой азарт! Во всяком случае уж ей никогда не придется вставать и кланяться, чтобы публика поняла, что вещь кончилась, как это сделал юный Даниил Фейгин, закончив играть сиуту Вустина.

Очень актерствовал в современной сонате один из лидеров Х конкурса и один из самых старших участников — наш Олег Ведерников. Только вот мы не поняли, требовала этого сама соната или нет. Во всяком случае, Бах явно требовал большей глубины (Олег играл вторую ре-минорную сиуту, редкую), но ему (Баху) пришлось «удовольствоваться» другими сильными сторонами этого артиста.

На самый старший, но самый зрелый музыкант — солист Московской филармонии Сергей Кальянов. Только у него одного. Пеццо-каприччиозо превратилось в повесть. Он словно листал жизнь Чайковского, а во время повторения одного из быстрых эпизодов на пиано, даже пианиссимо, подернул залу такую лирику — там, где другие дарили легкость пальцев. На буклетах девушки рисовали сердечки. Мне очень жаль, что он не

прошел на второй тур, но можно понять жюри, которое вынуждено было прослушать, как он примерял напирсы Пиатти на свою много поведившую по гастролям виолончель, как старое детское пальто.

Как раз в этом же эпизоде отличился эlegantный француз Бертран Рено — фантастическая легкость, виртуозность. И больше ничего! А хотелось кричать «браво!». Может, вместо конкурсов когда-нибудь придумают чемпионаты по октавам! Турнир по спиккетто, мемориал Фейгина по легато... Кстати, о браво. Кричали, конечно.

Как трудно рассказать обо всех. Есть здесь неподава Георгий Горюнов, флегма Денис Кротов, лирическая душа Ольга Галочкина. Есть сильные высокие немцы, путающие Чайковского с Бетховеном (а что — два страдальца), но школа великоллепная — как-то сыграют с оркестром? Есть необыкновенно впечатлительный рыжий американец, сыгравший Чайковского в полной протрации, в мире своих сновидений. Есть спокойный финн, живые и смешливые китайки, бородачи и юнцы, именитые лауреаты и зеленые студенты, обладатели средних, хороших и необыкновенно хороших инструментов (ведущая всегда объявляет мастеров).

С Давидом Ринкиером (Швейцария), Атилой Пастором (Австрия—Австралия), Вольфгангом Шмидтом (Германия) надлежит встретиться в финале, если, конечно, на втором туре они сыграют так же уверенно, как и на первом. Наверняка пройдет на третий тур и Олег Ведерников, а возможно, что и Бертран Рено, опять же если справился с программой второго тура.

И. КОСМИНСКАЯ.

ВОКАЛИСТЫ

Бас в одном ряду с сопрано

Вокалисты, как всегда, начали позже всех и потому вчера «разделались» только с программой первого тура. По обыкновению, вокальная «команда» — самая многочисленная: 67 певцов из 26 стран. Российских участников — все-таки семнадцать. Из бывших республик Союза представлены: Украина — 7 конкурсантов, Белоруссия — 2, Армения — 2, Грузия — 1, Абхазия (выделена отдельно) — тоже 1, Казахстан — 3 и Узбекистан — 1 конкурсант.

Заметно на юбилейном и представительстве наших столичных театров: от Большого — 4 участника, от «Новой оперы» и Театра Станиславского и Немировича-Данченко — по три (примета нового времени: двое из московских театров выступают от другого государства — Армении). Что касается Петербурга, то он «выглядит» скромнее — участник из Мариинки и участник из бывшего Малого.

В конкурсе принимают участие только два ученика членов жюри. «Ветеранов» — тоже двое: участница из Вьетнама Нгуен Суан Тхань (стажер Московской консерватории) выступает уже на третьем конкурсе подряд, а японка Мисако Машуно — на втором.

Не обошлось без курьезов. По окончании жеребьевки обнаружился забытый, даже в буклете «не учтенный» конкурсант — Хог Ван Су (КНДР), бас, между прочим. Как ему объяснили, его номер будет «после 9-го, но не 10-й». Впоследствии выяснилось, что это означало «9а». Такого номера, кажется, история конкурса еще не знала.

На прослушиваниях вокалистов, особенно в жюри, царит самая непринужденная, почти «домашняя» атмосфера. Во

многом, конечно, благодаря председателю — Зурабу Соткилаве, чья импульсивность и открытый нрав хорошо известны.

На юбилейном введён ряд новшеств. «Голоса» не перемешаны, а идут «группами» — сначала басы, потом баритоны и т. д. (Впрочем, это новое — из разряда забытого старого). Публике, конечно, несколько утомительно раз десять (а то и больше) подряд прослушать «один и тот же» голос, да и репертуар, разумеется, во многом повторяется. Но Зураб Лаврентьевич считает, что жюри так удобнее — ведь все познается в сравнении, в том числе и конкурсанты. В нынешней программе уменьшена «обязательная» доля русской музыки. Это сделано уже для удобства участников-иностранцев, понятное дело.

Впервые упразднено деление премий на «мужские» и «женские». Гран-при будет один. Это нововведение, по мнению г-на председателя, должно повысить международный авторитет состязания, ибо дает возможность сделать Большой приз действительно «большим призом». Вместе со спонсорскими вкладами сумма, по подсчетам Зураба Лаврентьевича, должна составить 19 тысяч долларов. Получить такой приз, безусловно, и для иностранцев очень заманчиво.

«Да и вообще я знаю только одно состязание в мире, на котором присуждаются сразу два Гран-при — певцу и певице. Это Конкурс имени Франсиско Виньяса в Испании». Зурабу Лаврентьевичу да не знать бы этого состязания! В 1970 году он, только что получивший II премию на IV Конкурсе Чайковского, и Елена Образцова (тоже член нынешнего жюри), получившая

I, завоевали каждый по Гран-при на Конкурсе Виньяса.

Приветствуя конкурсантов, председатель жюри пожелал им всем удачи, но просил не расстраиваться тех, кому она изменит. Поражение на конкурсе вовсе не предвещает несчастливую артистическую жизнь, так же как и победа — еще не гарантия будущих успехов. А за кулисами, давая интервью нашей газете, добавил: «Желаю участникам, чтобы никто их не напутствовал так, как меня один из наших чиновников на третьем туре. Перед самым выходом на сцену я вдруг услышал: «Поднажми, а то что-то ты отстаешь». И хоть я и знал, что выступаю ровно, хорошо, эти «добрые» слова произвели на меня впечатление, и, начав петь, я не сразу справился с волнением».

«Не знаем пока, как выступила участница из Испании Оливия Бьярнес-Кьефер, но тем не менее хотим вам ее представить и думаем, что, независимо от своих вокальных данных, она вызовет у вас симпатию».

На жеребьевке Оливия уточнила с организаторами свою программу, причем изъяснялась по-русски. В буклете — имени русского педагога, ни какого-либо другого намека. Оказалось — просто любит Россию. «Я здесь уже в пятый раз. Нет, не гастролировала, просто приехала на каникулы. Русский язык выучила исключительно для собственного удовольствия. А еще потому, что это родной язык самых любимых моих композиторов». Короче, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Скрябин. И Прокофьев. Приятно, правда?

Н. ШАДРИНА.